

ВЫДАЮЩИЙСЯ ГРУЗИНСКИЙ КОМПОЗИТОР

К 70-летию народного артиста СССР Андрея Баланчивадзе

В этом году исполнилось 70 лет выдающемуся грузинскому композитору, народному артисту СССР, профессору Андрею Мелитоновичу Баланчивадзе. Право, трудно в это поверить, глядя на него — всегда необычайно живого, чем-то вдохновленного, неутомимого.

Человек на редкость многогранный: композитор, чьи лучшие творения признаны классическими образцами современной грузинской музыки, выдающийся педагог, воспитавший несколько поколений композиторов, великолепный интерпретатор собственных сочинений: дирижер и пианист, активный общественный деятель, не раз возглавлявший композиторскую организацию Грузии, ныне же — ее почетный председатель. Его по праву можно назвать мэтром современной грузинской музыки.

Когда мы говорим о А. Баланчивадзе, то часто прибегаем к слову «первый», причем, нередко в сочетании со словом «лучший». Действительно, он первым в 1936 году написал превосходный балет «Сердце гор», обошедший многие сцены страны, первым в 1944 году создал совершенный образец грузинской симфонии, а почти десятью годами раньше — первый грузинский фортепианный концерт, который, кстати говоря, теперь как бы обретае свою новую жизнь. Андрей Мелитонович заново отредактировал и оркестровал его, и это

интересное сочинение, с успехом исполнявшееся в свое время известными пианистами Л. Оборным и А. Каменским, вновь предстанет перед нами обновленным и помолодевшим. Я уже ничего не говорю о таком его шедевре, как 3-й («Юношеский») фортепианный концерт (1952), выдержавший двенадцать изданий. Приведу еще один характерный пример. Такое малоизвестное любителям музыки сочинение А. Баланчивадзе, как концертно для фagота, издается в Москве десятитысячным тиражом, конечно же, в силу его высоких инструктивно-методических достоинств, благодаря чему оно утвердилось в педагогическом репертуаре.

Этот список можно было бы продолжить. Мне выпала большая честь записать рассказ А. Баланчивадзе о своем жизненном и творческом пути. Могу сказать без преувеличения: яркость, насыщенность и содержательность его биографии удивительны. А если к этому добавить, что Андрей Мелитонович — прекрасный, остроумный рассказчик с великолепным чувством юмора, то станет ясным, как приятно и поучительно было слушать и записывать его.

Г. ТОРАДЗЕ,

заслуженный деятель искусств Грузинской ССР.

Ниже мы публикуем выдержки из биографии А. Баланчивадзе.

НА СНИМКЕ: А. Баланчивадзе.

...Годы учебы в Тбилисской консерватории (1921—1926) были очень насыщенными и плодотворными для меня. И дело не только в том, что под руководством опытных педагогов, прекрасных музыкантов (о них я расскажу ниже) я сильно окреп и возмужал профессионально, и окончательно определил свое призвание и место в жизни.

Очень важно было, что именно в эти годы я полностью осознал себя, как грузинский музыкант, призванный трудиться во имя и на благо своего народа. Я начал интересоваться не только народными песнями, но и историей Грузии, ее многовековой культурой, литературой, познакомился и подружился со многими замечательными грузинскими музыкантами, артистами, художниками, поэтами.

Сближению с грузинскими писателями очень способствовало то обстоятельство, что по переезде в Тбилиси из Ленинграда, где я родился и провел детство, мы с отцом, за неимением собственной квартиры, поселились в доме Союза писателей на улице Мачабели. Здесь же в то время проживали Г. Табидзе, Н. Мицишвили, Г. Леонидзе и некоторые другие. С Георгием Леонидзе я сблизился еще более спустя пятнадцать лет, когда он работал над либретто моего балета «Сердце гор». Что касается Галактиона Табидзе, он на долгие годы стал одним из самых близких моих «пе-музыкальных» друзей, чему не мешала значительная разница в возрасте. Наш замечательный поэт не раз привлекал меня в качестве участника — музыкального аккомпаниатора — своих вечеров поэзии. Особенно запомнился один из них, состоявшийся в оперном театре в конце 1923 или в начале 1924 года. Галактион в черной пелерине, выхваченный из мрака затемненной сцены лучом красного света, что придавало ему немного «демонический» облик, читал свои стихи. Я же аккомпанировал ему на фортепиано, подбирая раз-

ные классические мелодии (например, «Элегия» Массне, которой поэт всегда просил сопровождать его знаменитую «Мэри»), а чаще всего импровизируя. Подобные вечера мы провели также в Кутаиси и Боржоме.

Несмотря на кратковременность (всего один год) моих занятий с известным композитором, дирижером и педагогом Н. А. Черепниным, они имели для меня большое значение. Черепнин был высокообразованным и многосторонним музыкантом, первоклассным педагогом.

После отъезда из Тбилиси Черепнина я некоторое время был предоставлен сам себе, а затем меня определили в класс известного композитора М. М. Ипполитова-Иванова, незадолго до этого приехавшего из Москвы в Тбилиси. Параллельно учился на фортепиано у Н. С. Айсберга. Из моих консерваторских педагогов больше всех я обязан Ипполитову-Иванову. Известно, что Михаил Михайлович, в течение долгих лет живший в Грузии, что, кстати говоря, нашло широкое отражение в его творчестве, делал многое для развития нашего молодого музыкального искусства. Верный последователь своих учителей — русских композиторов-классиков, Ипполитов-Иванов и своим ученикам прививал традиции реалистического музыкального творчества, любовь к народной песне. Он поощрял мои попытки придать своим сочинениям национальную грузинскую окраску, что мне на первых порах, признаюсь, не очень удавалось. В то время я сильно увлекался музыкой Шопена и Скрябина (они и сейчас, спустя полвека, мои любимые композиторы), и это накладывало заметный отпечаток на сочинения того периода. В основном это были фортепианные пьесы: прелюдии, картинки. Пытался я сочинить и сонату. Считаю, что первым удавшимся моим сочинением (правда, в жанре миниатюры) был «Ноктюрн» (1924), который позже я даже включил в балет «Сердце гор».

Курс гармонии я начал у З. Палиашвили, а затем прошел его у известного педагога, впоследствии в течение многих лет связанного с Ленинградской консерваторией, Х. Кушнерова.

За год до окончания мною консерватории Ипполитов-Иванов вновь вернулся в Москву и мне пришлось самостоятельно выйти на выпускные экзамены. В качестве дипломной работы я представил двухчастную «Танцевальную сюиту» для двух фортепиано (1 ч. «Перхули», 2 ч. «Лекури»). Экзаменационная комиссия, которую возглавлял Захарий Палиашвили, оценила мою работу на «отлично». Шла весна 1926 года.

Годы занятий в Тбилисской консерватории были для меня очень важны не просто в чисто учебно-академическом плане. Они были насыщены разнообразной, порой очень утомительной, но всегда полезной для меня трудовой деятельностью. В эти годы я формировался не только как музыкант, но и как личность, член общества, представитель нарождающейся грузинской советской интеллигенции. Вкратце расскажу о наиболее памятных для меня фактах и событиях.

Яркий след оставил в моей памяти короткий период сотрудничества с нашим замечательным, единственным в своем роде певцом Вано Сараджидзе, который взял меня аккомпаниатором по рекомендации моего отца. Конечно, помимо рекомендации, сыграло роль то обстоятельство, что на квалифицированных аккомпаниаторов в то время был большой дефицит.

Одним из следствий моего общения с В. Сараджидзе явилось то, что я, интересовавшись вокальным жанром, написал два ромаса (оставшиеся, кстати говоря, чуть ли не единственными образцами этого жанра в моем творчестве).

В годы учебы в Тбилисской консерватории, помимо упомянутого «Ноктюрна», мною были написаны фортепианные сюиты «Времена дня», состоящая из 4-х

пьес, небольшой цикл прелюдий, фортепианная пьеса «Полишинель», ряд оркестровых пьес: «Адажио», «Гроза», марш, вальс, сюита «Перхули» и «Лекури» (некоторые из них вошли в сюиту «Саламури» из балета, который я так и не закончил) и, пожалуй, все. Не ахти как много, да и черты самостоятельности в них проглядывались едва-едва, но тогда они означали для меня очень многое, ибо внушали уверенность в мою композиторскую будущность.

Окрылили меня мои «авторские концерты». Первый из них состоялся еще в 1924 году. Я был совсем мальчиком и, наверное, поэтому почти не волновался. Лишь отыграл свои фортепианные пьесы и был удостоен такой чести, что сам маститый Иван Петрович Палиашвили продирижировал моими «Перхули» и «Лекури». В оркестре «Общества молодых грузинских музыкантов» сидели сплошь мои друзья, в будущем все известные музыканты.

Второй же концерт — весной 1927 года носил характер выпускного, или, как сейчас говорят, отчетного. Оркестр под управлением дирижера Карлашева исполнил названные выше оркестровые сочинения и оркестрованный для струнного состава «Ноктюрн». Их исполнение заняло одно отделение концерта, второе же было посвящено сочинениям Александра Шамилевича Мелик-Пашаева, моего однокашника и друга, учившегося тогда на композиторском отделении.

Концерт наш как будто бы прошел с успехом, но я не очень-то обольщался. Чувствовал себя еще профессионально неокрепшим. Поэтому, когда Наркомпрос Грузии рекомендовал меня, вместе с группой моих соучеников, на продолжение учебы в Ленинградской консерватории, я с большой радостью согласился. Ведь ко всему прочему я уже почти десять лет не был в моем родном городе, который за эти годы стал первым музыкальным центром молодого Советского государства. На-

ступила золотая пора моей учебы (1927—1931).

...Ленинградскую консерваторию я окончил в 1931 году. Последней моей студенческой работой был секстет для струнного квартета, гобоя и арфы, в котором меня увлекла разработка национальной ладовой стороны музыки и, вместе с тем, хотелось отдать некоторую «дань» музыкальному модерну. Одна из моих массовых песен — «За урожай» исполнялась на IV Музыкальной олимпиаде хором в составе 10.000 человек под управлением неутомимого пропагандиста советской песни, одного из первых энтузиастов музыкальной самодеятельности Н. В. Немцова.

Окончив Ленинградскую консерваторию, я возвратился в свою родную Грузию. Но постоянно мне хотелось поддерживать творческую связь с великим городом: здесь я показывал свои новые сочинения (фортепианные концерты, симфонии), здесь был впервые показан мой балет «Сердце гор».

Возвратившись в Тбилиси в 1931 году, я получил очень лестное предложение от Котэ Марджанишвили сотрудничать в руководимом им театре в качестве штатного композитора. И хотя передо мной маячила вполне реальная перспектива продолжения учебы в аспирантуре Ленинградской консерватории, я не смог устоять. Лучистый взгляд Марджанишвили притягивал к нему людей подобно магниту. Все знают, какой это был удивительный человек. Я же должен добавить, что, помимо всего, он отличался редкой музыкальностью, и к тому же великолепным знанием музыкальной литературы (сказывался опыт многолетней работы в музыкальных театрах России).

Во время подготовки спектакля он все время активно направлял работу композитора, советовал, называл примеры, и даже, представьте себе, подсказывал детали инструментовки.

Из оформленных мною спектаклей особенно запом-

нился «Сказ об Арсене». Марджанишвили замыслил спектакль, как своего рода музыкальную драму. Все действие, от начала и до конца, протекало на фоне насыщенного музыкального сопровождения. Я написал весьма объемистую партитуру (оркестр театра состоял из 25 человек и дополнително были введены исполнители на грузинских народных инструментах).

Это был один из последних и подлинно новаторских спектаклей великого режиссера (через год его не стало). Оригинально было и декоративное решение, принадлежавшее Ладю Гудиашивили. Оно было основано на принципе движущихся декораций, что давало возможность «кинематографической» смены картин (а всего их было что-то около 60!). Яркое впечатление в памяти воспоминание, как на репетициях Ладю Гудиашивили учил танцевать кинтаури совсем еще юного Георгия Шавгулидзе. Вскоре, по совету Шаввы Дадияни, я начал работать над оперой «Арсен». Он же составил мне либретто по роману Михаила Джавахишвили. Я успел написать первый акт, часть второго. Кое-что даже прозвучало в концерте, но затем, как говорится, по независящим от автора обстоятельствам (погиб Джавахишвили), работа над оперой была прекращена. Не возвращаясь к ней я и в последующие годы...

В сотрудничестве с К. Марджанишвили я успел еще музыкально оформить спектакль «Три толстяка», написал музыку к концертной инсценировке поэмы В. Каменского «Степан Разин», которую декламировала Ирина Донаури (приемная дочь режиссера) и начал писать музыку к «Разбойникам» Шиллера. Увы, работа над спектаклем осталась незавершенной за смертью его постановщика.

Я был очень тронут, когда в день моего 60-летия получил от коллектива театра имени Марджанишвили подарок с надписью: «გაბრიელ ბალანჩივაძის 60 წლისთავს».